ИСТОКИ И ФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕСА

Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах ресурсного типа современной России: «картины власти» и подходы к исследованию¹

С.Н. ЛЕВИН*, К.С. САБЛИН**, В.Н. РУЦКИЙ***

***Сергей Николаевич Левин** – доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и государственного управления, Кемеровский государственный университет. Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, д. 6. E-mail: levin.sergey.n@gmail.com

****Кирилл Сергеевич Саблин** – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и государственного управления, Кемеровский государственный университет. Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, д. 6. E-mail: sablin_ks@mail.ru

*****Владислав Николаевич Руцкий** – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономических теорий, Сибирский федеральный университет. Адрес: 660041, Красноярск, пр. Свободный, д. 79. E-mail: rootskey.vn@gmail.com

Цитирование: Левин С.Н., Саблин К.С., Руцкий В.Н. (2018) Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах «ресурсного типа» современной России: «картины власти» и подходы к исследованию // Мир России. Т. 27. № 3. С.6–27. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27

Представленная статья отражает результаты проекта, который во многом является продолжением исследований практик взаимодействия предпринимателей с властью Кемеровской области, типичном регионе ресурсного типа современной России. В рамках нового цикла исследований дается сравнительная характеристика данных практик в двух регионах ресурсного типа – Кемеровской области и Красноярском крае, при этом они рассматриваются в контексте их влияния на возможность превращения предпринимателей в субъект развития региона ресурсного типа. Специфика используемого подхода заключается в том, что он базируется на предположении, что при анализе практик взаимодействия предпринимателей с властью необходимо рассматривать их в контексте сложившейся «картины власти». Под ней понимается система позитивно обусловленных нормативных представлений предпринимателей о характере власти, ее целях и используемых инструментах. «Картина власти» определяется тем, в какой из

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-06-04998. В проведении исследования, помимо авторов, участвовали кандидат экономических наук, доцент Н.Ф. Апарина (КемГУ), кандидат технических наук, доцент Е.С. Каган (КемГУ), кандидат экономических наук, доцент И.С. Пыжев (СФУ).

сфер взаимодействия власти и предпринимателей – «белой», «серой» или «черной» – формируются институты, играющие ключевую роль в определении реальных правил игры. В странах с развитой рыночной экономикой власть выступает в качестве деперсонифицированного актора, следующего публичным интересам. Такой подход к власти лежит в основе социологического исследования, проводимого в рамках международного проекта, поддержанного Фондом Фольксваген. Проблема заключается в том, что при однотипности формальных институтов взаимодействия реальные правила игры в Германии, Польше, Украине и России отличаются, при этом эти качественные различия не фиксируются. Подход к исследованию практик взаимодействия власти и предпринимателей с позиции коррупционного поведения не учитывает, что в условиях России в рамках неформальных практик власть выступает не только как носитель частных, но и публичных интересов, обеспечивающих экономическое выживание территорий и социально-политическую стабильность. Авторы показывают, что сравнительным преимуществом обладает подход к исследованию практик взаимодействия предпринимателей с властью, который исходит из того, что реальные правила игры формируются в рамках всех трех выделенных зон взаимодействия при ключевой роли институтов «серой» зоны.

Ключевые слова: практики взаимодействия предпринимателей с властью, регионы ресурсного типа, субъекты развития, «картины власти», продуктивные и рен-тоориентированные предприниматели

Введение

Представленное исследование выступает как продолжение комплекса исследований практик взаимодействия предпринимателей с властью в Кемеровской области. Взаимодействие власти и бизнеса в России на региональном уровне в 1990–2000-е гг. получило достаточно широкое отражение в работах отечественных исследователей [Лапина, Чирикова (1) 2000; Лапина, Чирикова (2) 2000; Петров, Титков 2010]. Что касается Кемеровской области, то специфика исследований заключалась:

(1) в соединении методов и инструментов новой институциональной экономической теории и экономической социологии; практики взаимодействия предпринимателей с властью рассматривались в контексте возникновения региональных институциональных систем в экономике России;

(2) в том, что предметом анализа явились практики взаимодействия предпринимателей и власти в определенном типе региона;

(3) исследования продолжались в течение достаточно длительного периода, что позволило получить интересные результаты, отражающие динамику отношений предпринимателей с властными структурами; эта динамика рассматривается с позиций выявления возможностей перехода регионов ресурсного типа от решения задач выживания в условиях постсоветской трансформации к развитию.

Первый цикл исследований (2001–2008 гг.) рассматривал эти практики в контексте опыта выживания территорий в условиях сложной постсоветской трансформации 1990-х – начала 2000-х гг. [Курбатова, Левин, Апарина 2005]. Ниже приведены основные результаты этого этапа исследований.

(1) Были выделены три взаимосвязанные зоны сотрудничества предпринимателей и власти: «белая», «черная» и «серая». «Белая зона» – это взаимодействие в рамках формальных правил, «черная зона» – это система классических коррупционных практик, «серая зона» – это результат деформализации правил взаимодействия предпринимателей с властными структурами, связанных с утверждением комплекса институтов, которые устанавливают систему квазифискальных платежей предпринимателей (организованное спонсорство и квазиналоговые сборы) и обеспечивают дофинансирование территорий за счет бизнеса.

(2) Приведено обоснование системообразующей роли «серой зоны» взаимодействия власти и бизнеса. Исследования показали, что формальные институты «белой зоны» используются властью избирательно, лишь для обеспечения участия предпринимателей в системе квазифискальных платежей. Отношения «черной зоны» (коррупция, бизнес чиновников) во многом ориентированы на некриминальное и часто поощряемое сверху вымогательство у бизнес-структур квазифискальных платежей для поддержки территорий. Причем эти платежи тесно связаны с коррупционными выплатами в пользу отдельных чиновников и служат моральным оправданием и прикрытием коррупционных практик.

(3) Показано, что в рамках сложившейся системы взаимоотношений власть играет роль «хозяина» территории, обеспечивающего ее выживание в условиях чрезвычайно рискогенной экономической среды. Особенность «картины власти» заключается в том, что она реализует свои публичные функции с помощью неформальных инструментов, выступая в качестве своеобразного «общественно-ориентированного» силового предпринимателя. Выполнение публичных функций предусматривает и решение частных задач представителей властных структур, связанных как с укреплением их позиций на рынках власти, так и с отстаиванием «коммерческих» интересов.

(4) Предприниматели признают власти в качестве «хозяина» территории, применяя разные стратегии выживания и укрепления своих переговорных позиций в рамках данной системы: «лояльность», «выход», «голос» и «договор». Исследования показали, что при решении своих проблем предприниматели предпочитают использовать различные индивидуальные взаимосвязи с чиновниками, игнорируя формы коллективного представительства своих интересов.

Второй цикл исследований (2010–2014 гг.) был ориентирован на анализ моделей поведения предпринимателей и инструментов укрепления их переговорных позиций в рамках сложившейся системы отношений с властью с позиции накопления и использования предпринимателями социального капитала в качестве ресурса [Курбатова, Левин, Каган 2013]. Основные результаты этого этапа исследований включают в себя пункты, приведенные ниже.

(1) Проведенные исследования позволили дать агрегированную оценку оцениваемого в рамках структурного подхода социального капитала, который накопили предприниматели в сфере взаимодействия власти и бизнеса в Кемеровской области и который был воплощен в конфигурации социальных сетей. Выделяются два типа социального капитала, которые рассматриваются как разные формы доступа к политическому (властному) ресурсу и получения отдачи от него. Под политическим ресурсом здесь понимается контролируемый государством ресурс легитимного насилия, доступ к которому позволяет предпринимателям добиваться принятия политических решений, приносящих им выгоды и выступающих как

в форме создания благоприятных условий для ведения бизнеса, так и в виде дифференцированных предпочтений. *Первый тип* социального капитала воплощается в открытых предпринимательских сетях. Общность целевых функций акторов таких сетей определяется их ориентацией на представительство коллективных интересов бизнеса во взаимодействии с властью, связанных с созданием благоприятных рамочных условий для предпринимательской деятельности. *Второй тип* социального капитала базируется на смешанных сетях предпринимателей и власти, на активном участии в социальных обменах и инвестировании в интернализированный политический ресурс в форме укрепления разветвленной сети персональных взаимосвязей с представителями власти.

(2) Проведенная с использованием инструментария метода анализа иерархий (МАИ) и аппарата теории нечетких множеств количественная оценка социального капитала, накопленного предпринимателями в Кемеровской области, показала преобладание в его структуре социального капитала второго типа.

(3) Сложившиеся формы взаимодействия предпринимателей с властью обеспечили как выживание территорий, так и ведение предпринимателями бизнеса в условиях рискогенной среды. Однако они сформировали комплекс барьеров, препятствующих на микроуровне преобладанию продуктивного предпринимательства над рентоориентированным и целостному экономическому развитию региона ресурсного типа на макроуровне.

Специфика третьего цикла (2014–2018 гг.) исследований практик взаимодействия предпринимателей с властью заключается, с одной стороны, в анализе этих практик как важнейшего фактора, определяющего возможность превращения предпринимателей в субъект развития экономики регионов ресурсного типа. Последнее предполагает не только ориентацию предпринимателей на микроуровне на продуктивную деятельность, но и возникновение системы положительных внешних эффектов от их деятельности, которые на макроуровне стимулируют переход региональной экономики с траектории «анклавной двойственной экономики» на модель «целостной региональной экономики». С другой стороны, объектом нового цикла социологических исследований стали практики взаимодействия предпринимателей с властью не только в Кемеровской области, но и в Красноярском крае. Это позволяет дать сравнительную характеристику соответствующих практик, выделив как общие черты, так и специфические особенности взаимодействия предпринимателей с властью в двух типичных регионах ресурсного типа.

«Картины власти» и возможные подходы к социологическому исследованию практик взаимодействия предпринимателей с властью

Анализ практик взаимодействия предпринимателей с властью в контексте их влияния на способность предпринимателей выполнять функции субъекта развития предполагает поиск ответов на вопросы о целевых функциях и возможностях представителей властных структур в качестве бизнес-партнеров. По нашему мнению, сложившиеся в условиях разнородной институциональной среды модели поведения представителей власти формируют у предпринимателей несхожие между собой парадигмы «картины власти» – системы позитивно обусловленных

нормативных представлений предпринимателей о характере власти, ее целях и используемых инструментах. В этой связи гипотеза о «картине власти» выступает, с одной стороны, как предпосылка социологических исследований практик взаимодействия предпринимателей с властью, а с другой – как результат таких исследований. При этом различные «картины власти» отражаются в разнообразии подходов к социологическому исследованию данных практик.

В настоящее время широкое распространение и признание получили подходы, которые рассматривают власть с дуальной позиции. В рамках этих подходов модели поведения власти делятся на нормативно-правильные, обеспечивающие экономический рост и социальный прогресс, и неправильные, подрывающие экономический рост и блокирующий социальный прогресс в обществе. Среди таких подходов особую популярность у исследователей получила концепция инклюзивных и экстрактивных политических и экономических институтов Д. Асемоглу и Дж. Робинсона [Асемоглу, Робинсон 2015]. В трактовке авторов экономические инклюзивные институты включают набор качественных институтов рыночного типа: защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия граждан в экономической активности [Асемоглу, Робинсон 2015, р. 119]. Политические инклюзивные институты характеризуются через сочетание плюрализма и централизованности, противоположные же им институты рассматриваются не как эксклюзивные, а исключительно как экстрактивные, т.е. имеющие своей целью получение максимального дохода от эксплуатируемой части общества и обогащение другой его части.

Исследуя институциональную систему России, можно сделать вывод о том, что существующие формальные институты нормативно ориентированы на модель инклюзивных политических и экономических институтов. Соответственно, «белая зона» взаимодействия власти и бизнеса закрепляет частную собственность, возможности обращения к правосудию, представительство интересов бизнеса на политических рынках. С этой точки зрения формальные правила взаимодействия власти и бизнеса близки к тем, которые сложились в странах с развитой рыночной экономикой. В то же время неформальные институты закрепляют правила игры, существенно отличающиеся от вышеописанной нормативной картины взаимоотношений. Поэтому для анализа практик взаимодействия предпринимателей с властью в России и других странах с развивающимися рынками принципиально важно оценить роль неформальных институтов. В рамках экономико-теоретической и экономико-социологической литературы они чаще всего рассматриваются через призму проблем коррупции [McChesney 1988; Rose-Ackerman 1997; Поуз-Аккерман 2003; Shleifer, Vishny 1993; Mauro 1995; Hellman, Jones, Kaufmann 2000], и такой подход предполагает анализ именно «черной зоны» взаимодействия власти и бизнеса.

Приведенные выше подходы основываются на разных «картинах власти» и могут быть использованы при проведении социологических исследований взаимодействия предпринимателей с властью. В то же время возникает вопрос о степени результативности данных подходов, их исследовательском потенциале при анализе возможностей и условий превращения предпринимателей в субъект развития отечественной экономики в целом и регионов ресурсного типа в частности. В качестве примеров таких подходов выступают, с одной стороны, проект исследования региональных инновационных систем в России, Украине, Польше и

Германии, поддержанный Фондом «Фольксваген»², с другой, проект Н.Н. Таруна Чакраворти³, методика которого по инициативе автора была использована для социологического исследования поведения предпринимателей Красноярск в рамках Международного научного проекта Сибирского федерального университета (СФУ) и Университета г. Бат (Великобритания) «Воздействие институциональных факторов и факторов управления на рост фирм в России», 2016–2018⁴.

Первый проект рассматривает власть в качестве одного из акторов региональной инновационной системы, выступающей специфическим автономным элементом национальной инновационной системы, которая, в свою очередь, представляет собой совокупность взаимодействующих субъектов государственного и негосударственного секторов экономики. Эти субъекты осуществляют инновационную деятельность на основе формируемых экономических и институциональных механизмов, имеющих прочные национальные корни, традиции, политические и культурные особенности [Иванова 2002]. Трактовка национальной и региональной инновационных систем содержит в себе определенную «картину власти»: власть на национальном и субнациональном (региональном) уровнях рассматривается как деперсонифицированный актор, следующий публичным интересам. При этом оценивается степень его способности реализовывать публичные интересы в этой сфере: предполагается, что этот потенциал зависит от способов выявления агрегированных интересов бизнеса, структур гражданского общества и других акторов, а также от привычных процедур и организационных механизмов принятия политических и административных решений (проблемы дебиюрократизации, оптимального уровня децентрализации, использования инструментов нового государственного менеджмента, *good governance* и сервисного государства). Такой подход четко проявляется в наборе вопросов к предпринимателям о роли и функциях власти в региональной инновационной системе, причем власть рассматривается прежде всего как формальная организация, взаимодействующая с другими акторами этой системы.

В рамках такого подхода роль власти в региональной инновационной системе анализируется с позиций проведения определенной политики и создания формальных институциональных рамок взаимодействия всех акторов, что проявляется в наборе основных вопросов гайда:

- *“What do you see as the central aim/strategy of the local/regional economic/innovation policy? Do you feel, there is a comprehensive strategy?”* («Что, на Ваш взгляд, является центральной целью/стратегией местной/региональной экономической/инновационной политики? Считаете ли Вы, что есть комплексная стратегия?»).
- *Political and institutional framework conditions for knowledge and technology transfer between science and business* (Политические и институциональные рамочные условия для трансфера знаний и технологий между наукой и бизнесом).

² International project “Technology Transfer in Post-Socialist Economies – The Case of Ukraine and Russia in Comparison with East Germany and Poland” funded by Volkswagen Foundation and run by University of Mannheim, Germany, Institute for SME research, in collaboration with Siberian Federal University.

³ “Corruption in Bangladesh: Its Implications for Firm and Macroeconomic Growth” (см.: [Chakravorty 2017]).

⁴ В реализации данных проектов принимал участие кандидат экономических наук, доцент В.Н. Руцкий.

- *“Which laws/regulations/other types of institutions do you see as important regulating the cooperation between universities/public R&D organizations and companies?”* («Какие законы/регуляции/другие типы институтов являются, на Ваш взгляд, важными для регулирования кооперации между университетами/научно-исследовательскими институтами и компаниями?»).
- *“What do you see as adequate public policy instruments to foster cooperation between business and science? What could/should the government do?”* («Что является, на Ваш взгляд, адекватным инструментом публичной политики для содействия кооперации между бизнесом и наукой? Что должно/что следует делать правительству?»).
- *“Do you think government should foster collaboration between science and business with special political programs?”* («Как Вы думаете, следует ли правительству содействовать сотрудничеству между наукой и бизнесом посредством специальных политических программ?»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках предложенного подхода фиксируются лишь практики взаимодействия власти с предпринимателями в «белой зоне». Опыт России и других стран с развивающимися рынками свидетельствует о том, что формализованные практики достаточно активно имитируются, в результате чего описываются лишь формальные правила игры. При формировании таких правил постсоциалистические страны (например, Польша, Украина, Россия) ориентируются на опыт стран с развитыми инновационными системами (например, Германии и других развитых стран – членов ЕС). В результате формальные правила оказываются достаточно типичными, но при этом реальные правила игры качественно отличаются друг от друга. Ярким примером этого служат успехи России в рамках рейтинга *Doing Business* [Рейтинг стран 2016]. Несмотря на очевидную положительную (имиджевую) роль рейтинга, практически общепризнанным остается мнение о том, что повышение позиции России в данном рейтинге не привело к существенному улучшению условий для ведения бизнеса.

В рамках второго проекта исследование практик взаимодействия предпринимателей с властью предусматривает анализ роста фирм в обрабатывающей промышленности Бангладеш с позиций коррупции. В этом проекте Н.Н. Тарун Чакраворти предложил трактовать власть как совокупность политиков и чиновников, преследующих во взаимодействии с предпринимателями преимущественно частные коррупционные интересы. Для предпринимателей такие коррупционные практики могут выступать и в качестве барьера для развития бизнеса, и в качестве способа укрепления их индивидуальных конкурентных преимуществ. Данный подход проявляется в направленности вопросов о взаимодействии с властью в анкетном опросе предпринимателей:

- *“How much did you need to pay in the following offices/departments before starting your operation?”* («Сколько Вам нужно было заплатить следующим управлениям/департаментам перед началом запуска производства?»).
- *“Did you need to pay government officials extra amounts beyond the official rates in order to get things done or to have permit/license/certificate/registration?”* («Пришлось ли Вам платить должностным лицам дополнительные суммы, выходящие за пределы официальных тарифов, для того чтобы уладить дела или получить разрешение/лицензию/сертификат/регистрацию?»).

- *“Many businessmen have informed us that they had to spend money outside that needed in formal procedures. How much do you think one belonging to your industry/sector and of the similar size as yours has to spend in this way in a year?”* («Многие предприниматели информировали нас о том, что им пришлось заплатить дополнительные суммы, выходящие за рамки формальных процедур. Как Вы думаете, сколько нужно потратить в год предприятию, относящемуся к Вашей отрасли/сектору или предприятию, сходному по размеру с Вашим, для улаживания подобных дел?»).
- *“How much did you need to spend outside formal procedures in the following offices/ departments?”* («Сколько Вам нужно было заплатить вне формальных процедур в следующих управлениях/департаментах?»).
- *“Which department of the following do you think is the most corrupt?”* («Какой департамент, на Ваш взгляд, является наиболее коррумпированным?»).
- *Causes of corruption* (Причины коррупции):
 - a) *“what do you think are the main reasons for corruption of government officials?”* («как Вы думаете, каковы основные причины коррумпированности правительственных чиновников?»);
 - b) *“what do you think are the main reasons for corruption of politicians?”* («как Вы думаете, каковы основные причины коррумпированности политиков?»).

В Бангладеш серьезных проблем с использованием анкеты не возникло, что свидетельствует о том, что «картина власти» в виде совокупности коррумпированных политиков и чиновников воспринимается как норма. В то же время в рамках исследования роли предпринимателей в социально-экономическом развитии Красноярского края возникли значительные затруднения, поскольку предприниматели на вопросы анкеты отвечали неохотно. По нашему мнению, ситуация обусловлена не только опасением прямого ответа на вопросы о коррупции, но и различием восприятия «картин власти». В этой связи следует обратить внимание на тот факт, что в ходе предыдущих волн изучения практик взаимодействия предпринимателей с властью представители бизнеса все же отвечали на вопросы о коррупционных практиках, однако они рассматривали их во взаимосвязи с практиками «серой зоны», построенными на дофинансировании территорий и статусном торге вокруг квазифискальных платежей. Это обстоятельство может служить свидетельством того, что предприниматели воспринимают власть не только как совокупность политиков и чиновников, преследующих свои коррупционные интересы, но и как относительно целостный актор, обеспечивающий с помощью неформальных инструментов выполнение определенных публичных функций, при этом представители бизнеса достаточно критично оценивают эффективность выполнения власти данных функций.

Это подтверждает ограниченность исследовательского подхода, построенного на изучении неформальных практик только через призму коррупции. В своем классическом виде такой метод не включает рассмотрение неформальных практик взаимодействия предпринимателей с властью с точки зрения использования их для реализации органами власти функций субъекта развития. Поиск выхода за пределы этих ограничений проявился в выделении наряду с хищнической коррупцией так называемой коррупции развития [Wedeman 1997; Wedeman 2002; Bardhan 1997]. На наш взгляд, коррупция развития вряд ли в полной мере может быть отнесена к коррупционным практикам в узком смысле слова, поскольку в рамках данной концепции речь идет о достаточно эффективном решении властью задач

по развитию экономики. В этой связи необходимо упомянуть экономико-социологическую концепцию, в рамках которой коррупция рассматривается не как отдельная проблема, а как аналитическая схема, которая адекватно отражает проблемы только применительно к странам с передовой рыночной экономикой, с четким разделением частной и публичной сфер и развитым гражданским обществом [Барсукова 2008; Барсукова, Леденева 2014].

Следует подчеркнуть, что дуальные подходы обладают весьма ограниченным исследовательским потенциалом: они, как правило, построены на сопоставлении реальных практик с некой институциональной нирваной в виде идеальной нормативной картины [Alchian, Demsetz 1972]. С нашей точки зрения, необходимо исходить из того, что все существующие реальные институциональные системы носят смешанный характер, при этом большинство обладают теми или иными сравнительными преимуществами. Результаты проведенных ранее исследований показывают, что центральное место в системе взаимодействия предпринимателей с властью в условиях современной России занимают практики «серой зоны», в рамках которой власти разного уровня выступают в роли хозяев территорий – совладельцев остаточных прав собственности в формально частном секторе экономики [Левин 2014].

Анализ демонстрирует, что при реализации социологического исследования практик взаимодействия предпринимателей с властью в контексте выделения субъектов развития российской экономики необходимо использовать исследовательский подход, базирующийся на приоритете позитивного анализа и рассматривающий различные исторически сложившиеся конфигурации политических и экономических институтов в качестве дискретных структурных альтернатив, обладающих сравнительными преимуществами. Такой метод заложен в рамках авторского проекта социологического исследования, который позволяет охарактеризовать предпринимателей и представителей власти как потенциальных субъектов развития и комплексно проанализировать формальные и неформальные практики их взаимодействия.

Исследование практик взаимодействия предпринимателей с властью в Кемеровской области и Красноярском крае: подходы и первые результаты

Настоящее исследование ориентировано на оценку альтернатив развития Кемеровской области и Красноярского края, выбранных в качестве примеров регионов ресурсного типа РФ. Предприниматели рассматриваются как субъекты, чьи действия на микроуровне порождают систему внешних эффектов, которые во многом определяют альтернативы развития региональной экономики на макроуровне. Основными источниками информации для оценки развития на макроуровне являются статистические данные, а для характеристики деятельности предпринимателей и представителей власти на микроуровне – результаты социологических исследований.

Авторский подход к исследованию целей, ограничений и стратегий поведения предпринимателей в качестве потенциального субъекта развития регионов ресурсного типа основан на трех основных принципах.

(1) Ключевые ограничения задаются параметрами сложившегося в стране политико-бюрократического рынка, который базируется на системе формализованных и неформализованных торгов между предпринимателями и представителями власти. Представители власти выступают в качестве «политизированных» бюрократов, а условием выживания и развития предпринимателей становится их трансформация в «политизированных» предпринимателей. Центральным агентом этой системы являются «политизированные» бюрократы – субъекты предложения политического ресурса, при этом предприниматели предъявляют спрос на него, наращивая свои индивидуальные конкурентные преимущества. Это означает, что сложившиеся конфигурации взаимосвязей предпринимателей с властью представляют собой важнейший фактор, определяющий их потенциал в качестве субъекта развития. Из этого вытекает, что практики взаимодействия предпринимателей с властью являют собой центральную проблему социологического исследования. Для получения целостной картины необходимо оценивать не только отношение предпринимателей к власти, но и отношение представителей власти к предпринимателям.

(2) Реальная картина отношений предпринимателей с властью регулируется преимущественно неформальными нормами «серой зоны». Складывающиеся в ней практики определяют общую конфигурацию отношений предпринимателей с властью, задающей стимулы и ограничения предпринимателям – потенциальным субъектам развития. Поэтому взаимодействие предпринимателей с властью рассматривается через призму ключевой роли некоррупционных неформальных практик.

(3) Выявление общих характеристик отношений предпринимателей с властью в регионах ресурсного типа требует проведения сравнительного анализа соответствующих практик. Решение этой задачи достигается путем проведения социологического исследования на территории двух субъектов Российской Федерации ресурсного типа.

Эти принципы определяют структуру и методику социологического исследования, состоящего из двух компонентов – *полуструктурированных интервью с экспертами* из числа предпринимателей и представителей власти Кемеровской области и Красноярского края и *анкетного опроса предпринимателей*.

В рамках настоящей статьи будут представлены методика и первые результаты, полученные в ходе проведения полуструктурированных интервью с предпринимателями и представителями власти. В ходе первой волны исследования было опрошено 20 экспертов в Кемеровской области и Красноярском крае. Гайды данных интервью построены по зеркальному принципу; они ориентированы на выявление общих проблем, но с учетом специфики двух типов экспертов. Оба гайда содержат блоки вопросов о практиках взаимодействия предпринимателей с властью, причем «картина власти», полученная благодаря анализу ответов экспертов-предпринимателей, сопоставляется с зеркальными ответами экспертов-представителей власти. Такое решение обусловлено тем, что в контексте сложившейся «смешанной» системы прав собственности власть через такие практики, как соглашения о социально-экономическом сотрудничестве, организованное спонсорство и ряд других, выступает в качестве совладельца прав на остаточный доход и конечный контроль. Это означает, что власть не только формирует рамочные правила игры, но и непосредственно воздействует на цели и ограничения предпринимателей,

в значительной степени предопределяя их ориентацию на продуктивную или рен-тоориентированную деятельность [Baumol 1990].

Гайд для экспертов-предпринимателей включает следующие вопросы о практиках взаимодействия с властью:

- «какие предприниматели/группы предпринимателей обладают преимуществами в формировании стратегии развития региона (крупные компании, предприятия каких отраслей)?»;
- «каким образом крупный бизнес взаимодействует с местными предпринимателями? Малым, средним (на основе “конкуренции”, используя как младших партнеров, в качестве предприятий инфраструктуры)?»;
- «создаются ли в регионе стимулы для углубления переработки, производства готовой продукции, “удлинения” цепочек добавленной стоимости? Оказывается ли господдержка в данном случае и на каких условиях?»;
- «можно ли говорить о наличии в регионе предпринимателей/бизнес-групп, обладающих привилегиями для получения доступа к ресурсам региона? На какой основе создаются привилегии? Игруют ли роль неформальные связи власти и бизнеса?»;
- «существуют ли какие-либо преференции для инвестиционных проектов в традиционных отраслях региональной экономики?»;
- «участвует ли Ваш бизнес в соглашениях о социально-экономическом партнерстве с властью? Заключен ли у Вас договор о социально-экономическом сотрудничестве? Как Вы рассматриваете подобные социальные обязательства: как непроизводительные затраты или как инвестиции? Являются ли они необходимым условием для ведения бизнеса в регионе?».

Представленные вопросы направлены на выявление как формальных, так и неформальных практик взаимодействия с властью, при этом предпринимателям предоставляется возможность оценить потенциал власти в качестве возможного партнера в решении задач регионального развития.

Гайд для экспертов-представителей власти включает следующие вопросы об их взаимодействии с предпринимателями:

- «какие “группы интересов” представлены в определении целей экономической политики в регионе?»;
- «что ожидает региональная администрация от инвесторов и инвестиционных проектов? Кого привлекают и на каких условиях?»;
- «каковы приоритеты формирования налоговой базы в регионе? Насколько актуален для региона принцип “делиться надо”? Кто с кем делится?»;
- «ориентируется ли региональная администрация во взаимодействии с инвесторами на формирование новых отраслей? Является ли создание новых отраслей в региональной экономике условием доступа к ресурсам региона?»;
- «какие инвестиционные проекты точно поддержит региональная администрация и при каких условиях?»;
- «учитывается ли фактор “инновационного предпринимательства” в поддержке инвесторов?»;
- «какие условия, как правило, власть включает в договоры о социально-экономическом сотрудничестве? Насколько важен социальный характер обязательств?».

Приведенные вопросы ориентированы на оценку представителями власти роли предпринимателей в решении экономических и социальных проблем региона ресурсного типа. Они позволяют выявить отношение представителей власти к предпринимателям в качестве активного субъекта взаимодействия с ними, оценить их способности влиять на выбор приоритетов и инструментов региональной экономической и социальной политики.

Первая пилотная серия полуструктурированных интервью с экспертами из числа предпринимателей предоставила возможность сделать ряд предварительных выводов. Предприниматели, как правило, отмечают необходимость доступа к представителям власти как условие ведения бизнеса, реализации инвестиционных и инновационных проектов на территории региона ресурсного типа.

«Когда понимающий специалист возглавляет муниципалитет или поселок, дело идет сразу, вопросов нет. А сегодняшние обращения, скажем, в те же всевозможные муниципальные образования или даже горные предприятия, до них как бы не доходят» (директор научно-производственного объединения, Кемеровская область).

«В прошлом году мы потратили достаточно много времени для получения кредита на приобретение металлообрабатывающего оборудования; также мы работали с нашими органами власти, пытались решить вопрос о субсидировании части процентной ставки или компенсации части стоимости оборудования, но, к сожалению, положительного ответа не получили» (директор инновационной компании, Красноярский край).

«Большая поддержка была со стороны “КРИТБИ”, когда мы выиграли программу “СТАРТ”, это были первые деньги, которые мы получили. Чтобы попасть в “инкубатор”, нужно было зарегистрировать ООО, сейчас это необязательно, можно сначала пройти экспертный совет, а потом зарегистрировать ООО» (совладелец научно-производственной фирмы, Красноярский край).

Значимость взаимодействия с властью для представителей местного бизнеса, особенно из числа инновационных предпринимателей, резко усиливается в связи с ориентацией крупных ресурсных компаний федерального уровня на импорт технологий и соответственно со слабым спросом с их стороны на отечественное оборудование и инновационные разработки.

«Вот, допустим, для собственника угольного поля в Кузбассе самая хорошая инновация, когда ему добрый дядя помог купить импортное оборудование и организовал его работу. Вот это для него хорошее вложение» (заместитель гендиректора по инновациям одного из заводов по производству металлоизделий, Кемеровская область).
«<...> Иногда разговоры с руководителями, топ-менеджерами, в том числе РУСАЛа, происходят как в детском саду, то есть у них сейчас все хорошо, они не видят, что через пять лет они будут проигрывать. Сейчас они на рынки сплавов не могут выйти, на мировой [рынок] – их не пускают. Чтобы их пустили, надо сейчас заняться, но чем? Проблема РУСАЛа в продукции: например, можно взять всем известную проблему – алюминиевые вагоны, для производства которых используют алюминий: он комфортный, легкий, таких вагонов 80–90%. В России из подвижного состава сейчас примерно более миллиона вагонов, и грузовых, и пассажирских, – их надо постепенно менять, а для этого надо построить прокатное производство вагонов. Если посчитать массу вагона как 20 тонн, то в сумме получится 20 млн тонн. Если объем РУСАЛа составляет сейчас 3,7 млн тонн, то он может работать на внутренний рынок России шесть лет спокойно. При этом будет продукция с высокой добавленной

стоимостью, которая сделает богатой всех. Это все знают, мы об этом много раз говорили, этот вопрос постоянно поднимается. Проблема в чем: РУСАЛ – это монополия, у него есть заводы, а конкуренции внутри России нет, есть достаточно простые схемы реализации сырья. Так, между нами, представьте, что Вы – топ-менеджер РУСАЛа, работаете в Москве, Вы – один из ключевых людей и получаете миллион долларов в месяц. Если Вы начнете думать о модернизации производства, Вы будете зарабатывать 1 300 000. Разница есть? Я думаю, нет. У Вас будут проблемы, как потратить эти деньги, купить новую “игрушку”. Это называется детский сад, это полностью проглядывается в стратегии РУСАЛа» (директор и совладелец инновационной компании, цветная металлургия, Красноярский край).

«<...> Вот машиностроение. Надо, чтобы заказы наши компании делали на наших заводах, а наши заводы подтягивались к требованиям заказчика и рабочие места развивали. Вот на машиностроительном заводе, если тысяча человек работает, то это миллиард реализации за год. Значит, люди устроены. Но если на машиностроительном заводе не заказали один механизированный комплекс, то одна тысяча человек лишилась зарплаты. Но вот какая-то наша шахта решила купить комплекс в Польше. Ну как так? Миллиард мы к полякам увозим? Или в Юргу? Вот тут власть должна разобраться: если у кого-то в Польше свои теневые дела, не надо Юргу-то подставлять и говорить плохо про нее. Это некорректное отношение бизнеса, и на территории власть должна поправлять такие вещи» (предприниматель и общественный деятель, Кемеровская область).

Предприниматели при этом отмечают, что поддержка со стороны власти предлагаемых ими проектов развития (инвестиционных и инновационных) носит достаточно ограниченный характер. Называется несколько причин сложившейся ситуации: во-первых, эксперты из числа предпринимателей зачастую достаточно низко оценивают качество государственного регулирования экономики на региональном уровне и профессионализм представителей власти.

«Когда я поработал с ними, я понял одно. Они давали ответы на все мои обращения, но это чисто формальный такой, бюрократический подход. <...> Не знаю, кто-то их ограничивает, даже их ограничивает не только система, которая создалась в стране. В советские времена ряд товарищей, способных, грамотных, интересных, они находили всегда способ как-то, ну не проявлять инициативу, дураков инициатива любит» (директор научно-производственного объединения, Кемеровская область).

«Что такое технопарк? Ну да, дали парням кабинетик, там спокойноенько “пиначат”⁵ грантик, получили непонятно за что и куда, ну как получают – мы тоже знаем. А отдачи-то от этого никакой нет. Вот смотрите, его построили на территории.<...> Я был на территории перед постройкой [технопарка]. Сколько было стендов, лабораторий, в которых проводились реальные исследования механизмов, оборудования, устройств различного типа, которые используются в шахтах. Там были макеты отпущенного забоя и действующие макеты комбайнов, две или три модели проходческого забоя, в котором исследовалось и подземное искрение, и взрыв, и т.д. Огромная штольня для проверки реального взрыва метана на горно-шахтном оборудовании, двести пятьдесят метров длиной с двойным металлическим окладом – туда ставилось оборудование, закачивался метан нужной концентрации и взрывался. Потом это все исследовалось: как, что, распространение волн и прочее.

⁵ Респондент использует термин «пиначить» в значении, близком более широко распространенному понятию «пилить» бюджетные средства, гранты и т.д.

Огромное пятиэтажное здание, т.е. исследовали систему вентиляции, живой макет шахты, лаборатория колесного шахтного транспорта, лаборатория конвейерного транспорта, я уж про взрывное дело и про электроиспытательное оборудование молчу. А сейчас это все пустили под бульдозер <...>, и технопарк тоже, в который “дуют”, а отдачи нет» (заместитель гендиректора по инновациям одного из заводов по производству металлоизделий, Кемеровская область).

«За последние годы наиболее остро ощущается дефицит хорошего управления краем. И в этом заключается основная проблема. Если десять лет назад мы могли считать нашу инфраструктуру достаточно развитой, то сейчас ситуация кардинально поменялась. Не развивается ни город, ни промышленность. Я думаю, что в ближайшее время нам будет очень тяжело» (директор и совладелец инновационной компании, строительство, Красноярский край).

Во-вторых, некоторые предприниматели отмечают отрицательное влияние коррупционных практик «черной зоны» на эффективность власти.

«Это страшно сказать, какие условия допуска. Коррупция чистоганом. Для членов этой комиссии надежные котлы невыгодны. Вот котлы наши отработали три–четыре года, мы подаем на конкурс в эту комиссию <...> сельского района. И, естественно, он не проходит, почему? Потому что им невыгодны наши котлы, они долго работают, а другой котел полтора–два года работает и начинает “подыхать”, трубки забиваются накипью, а наше простое решение, которое не только решает проблему с накипью, очисткой труб, но и повышает КПД и т.д., но это невыгодно. А другой котел два года работает, а потом надо деньги расходовать» (директор научно-производственного объединения, Кемеровская область).

Необходимо при этом отметить, что, говоря о коррупции, предприниматели часто используют этот термин как образное понятие, отражающее не только собственно коррупцию, но и недостаточный профессионализм представителей власти.

«Ну, это песня из области коррупции, а привилегии какие? Опять же на примере ведения открытых горных работ. Лицензируем горную разработку. То есть я пришел в администрацию, в соответствующее подразделение, и говорю: “Я вот хочу добывать уголь, оформите мне лицензию, площадь четыре квадратных километра”. Учел бизнес-проект, они мне оформляют горный отвод четыре квадратных километра, я говорю: “Спасибо”. При этом меня никто не спрашивает: “Что ты будешь делать на этих четырех квадратных километрах: уголь добывать или породу сваливать?”. Но я же не дурак, я же там уголь буду добывать. А для того, чтобы сложить породу, которая будет при добыче угля, я вокруг возьму у местной администрации как минимум в пять раз больше земли под склады – либо в аренду, либо в выкуп, либо еще каким-то “трешь-мнешь” способом» (заместитель гендиректора по инновациям одного из заводов по производству металлоизделий, Кемеровская область).

«Ну, премия главы города, а я не прошел. Ладно, будь это объективные критерии, я бы не обиделся. Но были люди, например, один мой знакомый студент, подал на эту премию как студент. Он работал уже на этот момент в Х, у него куча актов внедрения, он эту кучу актов и принес, плюс еще добавил. У него получалось большое количество баллов для студента. Он звонит туда, а ему говорят: “Ты не прошел”, он спросил: “Почему?”. Ведь у него же столько баллов! Ему говорят: “А мы не просто смотрели баллы, а еще и за что эти баллы”. То есть отобрали того, кого надо. Где объективные критерии?» (совладелец научно-производственной фирмы, Красноярский край).

В-третьих, один из экспертов отмечает, что для власти приоритетным является решение текущих задач, связанных с поддержанием социально-политической стабильности.

«Если говорить про власть, то как бы много требовать от власти не надо. Вот ко мне вчера изобретатель приходил и говорит: “Власть, администрация ничего не хотят”. Но это не ее функция. Во-первых, власть зажата в тисках, шаг вправо, шаг влево – расстрел или тюрьма. Есть большие показатели оценки эффективности работы губернатора и т.д. Она – жесткий проводник политики центра, Федерации на этой территории. Но формально есть какая-то дополнительная свобода перемещения. Поэтому ресурсами на самом деле владеет не местная [власть], а центр, который в большей степени смотрит на мировой рынок, что хорошо для эффективности развития технологий, и это трансформируется на нас.<...> Власть заботится о выполнении своей функции. Я не говорю, плохо это или хорошо, но власть должна собрать налоги, исподволь это всегда имеется в виду, и обеспечить на этой территории более-менее достойную жизнь, чтобы тепло было, горячая и холодная вода. Если что-то развивать, то тогда бизнес должен включаться, ГЧП и т.д.» (предприниматель и общественный деятель, Кемеровская область).

В ответах экспертов-представителей власти, оценивающих практики взаимодействия с предпринимателями, последней проблеме отводится гораздо больше внимания. Некоторые отмечают, что объективным приоритетом для них является использование ресурсов предпринимателей для обеспечения доходов бюджета (причем как за счет фискальных, так и квазифискальных платежей) и поддержания уровня занятости населения как важнейших условий сохранения социально-политической стабильности в регионе.

«Здесь основных целей, видимо, две. Во-первых, разумеется, обеспечение адекватного уровня доходов бюджета, для того чтобы поддержать устойчивое развитие и инвестиционную активность на хорошем уровне. Во-вторых, необходимость выполнять социальные обязательства, которые обеспечивают политическую и в целом общественную поддержку» (ведущий консультант одного из департаментов Администрации Кемеровской области).

«Понятно, что как власть, обеспечивающая жизнедеятельность региона, она должна обеспечить такой определенный стабильный баланс, чтобы все основные экономические критерии находились в такой зеленой зоне. Конечно, мониторинг должен четко осуществляться, там сотни параметров, там уровень доходов, налоговая база, уровень доступности различных услуг, социальное обеспечение и т.д. Это все одна базовая задача, но это как константа, от которой нельзя уходить. Есть вторая составляющая, о которой необходимо [говорить], и сейчас все говорят о ней, и на ней надо более серьезно акцентировать внимание: а где те точки развития, которые надо детально прорабатывать, совершенствовать и т.д.? Я считаю, что текущая деятельность – это такой “день сурка”, который государство должно обеспечивать, но при этом немного уже живя в завтрашнем дне» (один из членов Правительства Красноярского края).

«Персонально я с этим не сталкивалась и не занималась, но знаю, что заключаются соглашения, но в первую очередь [региональные власти] интересуют рабочие места, но также другие меры поддержки, которые предприятие может оказать. Например, тесное взаимодействие с Х – они много делают» (начальник одного из отделов Администрации Кемеровской области).

«Точно предпринимаются немалые усилия по диверсификации, это однозначно, т.е. в первую очередь, в наших моногородах. У нас регион, достаточно много уделяющий внимание вопросам социальной стабильности, социальной поддержке и т.д., и в этом смысле средств, напрямую направляемых на диверсификацию экономики, объективно не так много, наверное, но в рамках тех средств, которые выделяются, я считаю, что мы делаем очень много» (руководитель одного из департаментов Администрации Кемеровской области).

Таким образом, многие представители власти отмечают, что решение текущих задач выживания территорий и обеспечение социально-политической стабильности ограничивают их возможности концентрации усилий на решении задач развития и особенно необходимый для этого ресурсный потенциал. В то же время практически все опрошенные эксперты из числа представителей власти заявляют о необходимости поддержки инвестиционных и инновационных проектов предпринимателей, ориентированных на диверсификацию региональной экономики, реализации экономической политики, направленной на то, чтобы *«большие добавленной стоимости генерировалось у нас в регионе, в долгосрочной перспективе – это снижение зависимости от базовых секторов нашей экономики»* (начальник одного из управлений Администрации Кемеровской области). Эксперты из обоих регионов выделяют сходный набор приоритетов, связанных как с созданием цепочек добавленной стоимости на базе углубленной переработки сырья, так и с развитием новых отраслей, не имеющих отношения к традиционному ресурсному сектору – туризму, сельскому хозяйству, ряду отраслей обрабатывающей промышленности и инновационного сектора.

При этом они отмечают наличие в обоих регионах программ и инструментов поддержки соответствующих инвестиционных и инновационных проектов предпринимателей.

«Есть у нас в крае программа развития малого и среднего предпринимательства, которая утверждена в рамках государственной программы Красноярского края по развитию инвестиционной и инновационной деятельности малого и среднего предпринимательства, и утверждена она с учетом мнения и потребностей субъектов малого и среднего предпринимательства, высказанных общественными объединениями, предпринимателями. Согласовано в свое время на Совете по развитию малого и среднего предпринимательства при губернаторе Красноярского края» (начальник одного из отделов Правительства Красноярского края).

«Приоритет номер один – это импортозамещение, и импортозамещение в первую очередь по сложной технической продукции с высокой добавленной стоимостью. Второе – это, как я понимаю, у нас стремление к тому, чтобы создать до некоторой степени замкнутую систему, чтобы ресурсы для производства данной продукции и полуфабрикаты изготавливались у нас же, т.е. максимальное задействование нашей промышленности» (начальник одного из управлений Администрации Кемеровской области).

«<...> У нас сейчас инвестпроекты пользуются поддержкой – налоговыми льготами. У нас средств на субсидирование инвестиционных проектов в бюджете фактически нет. У нас есть средства под налоговые льготы, т.е. как средство, когда государство предоставляет налоговые льготы. У нас есть разветвленная система нашего регионального законодательства, приоритетные инвестиционные проекты, приоритетные инновационные проекты, резиденты технопарка, резиденты зон

экономического благоприятствования и т.д., и если по объемам говорить, то могу даже примерную цифру сказать. Допустим, в 2014 г. было 1,2 млрд руб. господдержки в этом смысле; в 2013 г. – 600 млн руб., в 2012 г. – 300 млн руб., т.е. каждый год у нас фактически происходит удвоение господдержки, в первую очередь в виде налоговых льгот» (руководитель одного из департаментов Администрации Кемеровской области).

Заключение

Проведенный анализ подтвердил тезис авторов о взаимосвязи между объективно обусловленной «картиной власти» и выбором методики социологического исследования практик взаимодействия предпринимателей с властью. Сравнительные преимущества избранной методики проявились в ее соответствии с существующей «картиной власти» в качестве субъекта, действующего на основе не только формальных, но и неформальных правил и коммуницирующего с предпринимателями одновременно в рамках «белой», «черной» и «серой зон» при решающей роли институтов «серой зоны». Это позволило охарактеризовать практики взаимодействия предпринимателей с властью как важнейший фактор, определяющий возможность превращения предпринимателей в субъект развития экономики регионов ресурсного типа.

Ниже приводятся основные компоненты «картин власти» в регионах ресурсного типа в современной России.

(1) Предприниматели воспринимают власть на региональном уровне прежде всего как хозяина территории, который обеспечивает решение текущих задач, связанных с поддержанием социально-политической стабильности и реализацией личных коммерческих интересов ее отдельных представителей. Это означает, что у представителей власти существует ориентация на реализацию своих частных интересов, то есть коррупционные практики «черной зоны». При этом предприниматели не сводят проблемы своих взаимоотношений с властью только к коррупции. Принципиальное значение имеет именно ориентация власти на решение текущих задач, для которой предприниматели выступают преимущественно как объект управления, обеспечивающий финансирование и дофинансирование территорий через систему фискальных и квазифискальных платежей и гарантии занятости. Сложившаяся в этой сфере система неформальных правил и практик легитимизируется, в том числе через соглашения о социально-экономическом партнерстве между предпринимателями и органами власти (в эту систему встраиваются и коррупционные практики, позволяющие обеспечивать реализацию личных коммерческих интересов представителей властных структур). Значимо то, что сложившаяся преимущественная ориентация власти на решение текущих задач поддержания социально-политической стабильности ограничивает ее заинтересованность в переориентации на цели стратегического развития экономики регионов ресурсного типа и ограничивает объемы ресурсов, выделяемых на решение стратегических задач. В этой связи следует отметить, что конфигурации институтов взаимодей-

⁶ Под господдержкой респондент понимает налоговые льготы, предоставляемые приоритетным инвесторам.

ствия предпринимателей с властью, обеспечившие выживание территорий в условиях постсоветской трансформации, в настоящее время формируют барьеры на пути перехода к решению задач развития регионов ресурсного типа.

(2) Власть рассматривается продуктивными предпринимателями как необходимый партнер в реализации инвестиционных и инновационных проектов развития. В регионах ресурсного типа потребность предпринимателей в партнерских отношениях с региональной властью резко усиливается ориентацией занимающих ключевое место в их экономике крупных федеральных компаний ресурсного сектора. Ответы местных предпринимателей показывают, что действия таких компаний укладываются в логику поведения, характерного для «анклавной двойственной экономики» [Стиглиц 2003]. Это означает, что они не формируют в региональной экономике длинные цепочки создания стоимости, не создают стимулов для ее целостного развития. В этих условиях реализация сколько-нибудь масштабных инновационных и инвестиционных проектов, связанных с диверсификацией региональной экономики, невозможно без активного взаимодействия с властными структурами. В свою очередь многие эксперты из числа представителей власти демонстрируют заинтересованность в реализации таких проектов. Эта заинтересованность воплощена в программах и инструментах поддержки предпринимателей. Однако созданная в рамках «белой зоны» система поддержки предпринимателей располагает достаточно ограниченным ресурсным потенциалом и действует избирательно. Предприниматели в свою очередь отдают предпочтение индивидуальным формам взаимодействия с властью, используя эти связи с властью и как источник получения рентных доходов, и как ресурс для продуктивной деятельности.

(3) К положительным моментам можно отнести и тот факт, что многие предприниматели и представители власти позиционируют себя как потенциальные субъекты развития, заинтересованные в реализации инновационных и инвестиционных проектов, которые ориентированы на диверсификацию и целостное развитие экономики региона ресурсного типа. В то же время результативность взаимодействия предпринимателей с властью в реализации проектов развития остается достаточно низкой как из-за преобладания у обоих субъектов мотивации на решение текущих задач выживания бизнеса и территории, так и из-за несформированности эффективной системы коммуникаций между этими потенциальными субъектами развития.

Литература

- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: ВШЭ.
- Барсукова С.Ю. (2008) Коррупция: научные дебаты и российская реальность // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 36–47.
- Барсукова С., Леденева А. (2014) От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // *Вопросы экономики*. № 2. С. 118–133.
- Иванова Н.И. (2002) Национальные инновационные системы. М.: Наука.

- Курбатова М.В., Левин С.Н., Апарина Н.Ф. (2005) Взаимодействия власти и бизнеса на муниципальном уровне: практики, сложившиеся в Кемеровской области // *Экономическая социология*. Т. 6. № 2. С. 50–68.
- Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. (2013) Структура социального капитала предпринимателей в их взаимодействии с региональной властью // *Журнал институциональных исследований*. Т. 5. № 4. С. 108–126.
- Лапина Н., Чирикова А. (1) (2000) Власть и бизнес в российских регионах // *Общество и экономика*. № 1. С. 146–157.
- Лапина Н., Чирикова А. (2) (2000) Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: РАН ИНИОН. ЦНИИГРП.
- Левин С.Н. (2014) Рынки власти, режимы прав собственности и политический ресурс предпринимателей в современной России // *Мир России*. Т. 23. № 4. С. 35–58.
- Петров Н., Титков А. (ред.) (2010) Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник. М.: РОССПЭН.
- Рейтинг стран (2016) // *Doing Business* // <http://russian.doingbusiness.org/rankings>
- Роуз-Аккерман С. (2003) Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос.
- Стиглиц Дж. (2003) Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд.
- Alchian A., Demsetz H. (1972) Production, Information Costs, and Economic Organization // *The American Economic Review*, vol. 62, no 5, pp. 777–795.
- Bardhan P. (1997) Corruption and Development: A Review of Issues // *Journal of Economic Literature*, vol. 35, no 3, pp. 1320–1346.
- Baumol W. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive // *Journal of Political Economy*, vol. 98, no 5, pp. 893–920.
- Chakravorty N.N.T. (2017) Revisiting Principal-agent-client Theory and a New Model for Combating Corruption // *Институциональная трансформация экономики: пространство и время. Сборник докладов V Международной научной конференции*. Т. 1. Кемерово: Кемеровский государственный университет. С. 186–192.
- Hellman J., Jones G., Kaufmann D. (2000) Seize the State, Seize the Day: An Empirical analysis of State Capture and Corruption in Transition // *The World Bank. Policy Research Working Paper* // http://siteresources.worldbank.org/INTWBIGOVANTCOR/Resources/seize_synth.pdf
- Mauro P. (1995) Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 3, pp. 681–712.
- McChesney F. (1988) Rent Extraction and Rent Creation in the Economic Theory of Regulation // *The Political Economy of Rent-Seeking* (eds. Rowley C.K., Tollison R.D., Tullock G.), Boston/Dordrecht/Lancaster: Kluwer Academic Publisher, pp. 179–196.
- Rose-Ackerman S. (1997) Corruption, Inefficiency and Economic Growth // *Nordic Journal of Political Economy*, vol. 24, pp. 3–20.
- Shleifer A., Vishny R.W. (1993) Corruption // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 108, no 3, pp. 599–617.
- Wedeman A. (1997) Looters, Rent-Scrapers, and Dividend Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines // *The Journal of Developing Areas*, vol. 31, no 4, pp. 457–478.
- Wedeman A. (2002) Development and Corruption: the East Asian Paradox // *Political Business in East Asia* (ed. Gomez E.T.), New York: Routledge, pp. 34–62.

The Practices of Interaction between Entrepreneurs and Authorities in Russia's Resource Extracting Regions: the 'Scenes of Power' Analytical Approach

S. LEVIN*, K. SABLIN**, V. RUTSKIY***

***Sergey Levin** – DSc in Economics, Professor, Department of Economic Theory and Public Administration, Kemerovo State University. Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650043, Russian Federation. E-mail: levin.sergey.n@gmail.com

****Kirill Sablin** – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory and Public Administration, Kemerovo State University. Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650043, Russian Federation. E-mail: sablin_ks@mail.ru

*****Vladislav Rutskiy** – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Theories, Siberian Federal University. Address: 79, Svobodnyj Av., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. E-mail: rootskey.vn@gmail.com

Citation: Levin S., Sablin K., Rutskiy V. (2018) The Practices of Interaction between Entrepreneurs and Authorities in Russia's Resource Extracting Regions: the 'Scenes of Power' Analytical Approach. *Mir Rossii*, vol. 27, no 3, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-6-27

Abstract

This article presents the results of a new cycle of studies that focus on the interaction of entrepreneurs and authorities in a resource extracting region (Kemerovo). In this new cycle, the authors introduce a comparative perspective by contrasting Kemerovo region with Krasnoyarsk region, and discuss the capacity of entrepreneurs to become the primary agents of economic development in resource extracting regions. The study is based on an analytical approach, which conceptualizes the interaction between entrepreneurs and authorities as emerging in the context of specific 'scenes of power'. The 'scene of power' is defined as a system of positively conditioned normative representations of entrepreneurs about the nature of power, its purposes and tools. Each scene is determined by the dominant sphere of interaction (i.e., 'white', 'gray' or 'black'), in which institutions are formed and which play the key role in determining the real rules of the game. Conceptualizing authority as an impersonalized actor acting in the public interest may be appropriate for countries with developed market economies, however in contrast to the similarities between the formal institutions in Russia and Western countries, the real rules of the game are qualitatively different. Approaching the interaction between the authorities and entrepreneurs in Russia exclusively from the standpoint of corrupt behavior does not take into account the fact that in Russia authorities act as carriers of private and public interests which ensures the economic survival of territories and socio-political stability. The authors show a more comprehensive approach should encompass all of the three spheres of interaction recognizing that the key role is being played by the institutions that form in the 'gray' sphere.

Key words: interaction between entrepreneurs and authorities, resource extracting regions, agents of development, 'scenes of power', productive and rent-seeking entrepreneurs

References

- Acemoglu D., Robinson J. (2015) *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii* [Economic Origins of Dictatorship and Democracy], Moscow: HSE.
- Alchian A., Demsetz H. (1972) Production, Information Costs, and Economic Organization. *The American Economic Review*, vol. 62, no 5, pp. 777–795.
- Bardhan P. (1997) Corruption and Development: A Review of Issues. *Journal of Economic Literature*, vol. 35, no 3, pp. 1320–1346.
- Barsukova S.Yu. (2008) Korruptsiya: nauchnye debaty i rossijskaya real'nost' [Corruption: Academic Debates and the Russian Reality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 36–47.
- Barsukova S., Ledeneva A. (2014) Ot globalnoj korruptsionnoj paradigmy k izucheniu neformalnykh praktik: razlichie v podkhodakh autsajderov i insajderov [From Global Corruption Paradigm to the Study of Informal Practices: the Difference in the Approaches of Outsiders and Insiders]. *Voprosy ekonomiki*, no 2, pp. 118–133.
- Baumol W. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive. *Journal of Political Economy*, vol. 98, no 5, pp. 893–920.
- Chakravorty N.N.T. (2017) Revisiting Principal-agent-client Theory and a New Model for Combating Corruption. *Institutsionalnaya transformatsiya ekonomiki: prostranstvo i vremya*. Sbornik dokladov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. T. 1 [Institutional Transformation of the Economy: Space and Time. The Collection of Reports of the V International Scientific Conference], Kemerovo: Kemerovo State University, pp. 186–192.
- Hellman J., Jones G., Kaufmann D. (2000) Seize the State, Seize the Day: An Empirical Analysis of State Capture and Corruption in Transition. *The World Bank. Policy Research Working Paper*. Available at: http://siteresources.worldbank.org/INTWBIGOVANTCOR/Resources/seize_synh.pdf, accessed 31 May 2018.
- Ivanova N.I. (2002) *Natsionalnye innovatsionnye sistemy* [National Innovation Systems], Moscow: Nauka.
- Kurbatova M.V., Levin S.N., Aparina N.F. (2005) Vzaimodejstvie vlasti i biznesa na munitsipal'nom urovne: praktiki, slozhivshiesya v Kemerovskoj oblasti [The Interaction Between Business and Authorities at the Municipal Level: the Practices Prevailing in Kemerovo Region]. *Ekonomicheskaya sotsologiya*, no 2, pp. 50–68.
- Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S. (2013) Struktura sotsial'nogo kapitala predprinimatelej v ikh vzaimodejstvii s regional'noj vlast'u [The Structure of Entrepreneurs' Social Capital in Their Interaction With Regional Authorities]. *Journal of Institutional Studies*, no 4, pp. 108–126.
- Lapina N., Chirikova A. (1) (2000) Vlast' i biznes v rossijskikh regionakh [Authority and Business in Russian Regions]. *Obshchestvo i ekonomika*, no 1, pp. 146–157.
- Lapina N., Chirikova A. (2) (2000) *Strategii regional'nykh elit: ekonomika, modeli vlasti, politicheskij vybor* [Strategies of Regional Elites: Economy, Models of Authority, Political Choice], Moscow: RAS INION.
- Levin S.N. (2014) Rynki vlasti, rezhimy prav sobstvennosti i politicheskij resurs predprinimatelej v sovremennoj Rossii [Markets of Power, Property Rights and Political Resources of Entrepreneurs in Modern Russia]. *Mir Rossii*, vol. 23, no 4, pp. 35–58.
- Mauro P. (1995) Corruption and Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 3, pp. 681–712.
- McChesney F. (1988) Rent Extraction and Rent Creation in the Economic Theory of Regulation. *The Political Economy of Rent-Seeking* (eds. Rowley C.K., Tollison R.D., Tullock G.), Boston/Dordrecht/Lancaster: Kluwer Academic Publisher, pp. 179–196.
- Petrov N., Titkov A. (eds.) (2010) *Vlast, biznes, obshchestvo v regionakh: nepravil'nyj treugol'nik* [Authority, Business and Community in Regions: the Irregular Triangle], Moscow: ROSSPEN.

- Rejting stran (2016) [The Ranking of Countries]. *Doing Business*. Available at: <http://russian.doingbusiness.org/rankings>, accessed 31 May 2018.
- Rose-Ackerman S. (1997) Corruption, Inefficiency and Economic Growth. *Nordic Journal of Political Economy*, vol. 24, pp. 3–20.
- Rose-Ackerman S. (2003) *Korrupsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* [Corruption and Government. Causes, Consequences, and Reforms], Moscow: Logos.
- Shleifer A., Vishny R.W. (1993) Corruption. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 108, no 3, pp. 599–617.
- Stiglitz J. (2003) *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: the Worrisome Trends], Moscow: Natsional'nyj obshchestvenno-nauchnyj fond.
- Wedeman A. (1997) Looters, Rent-Scrapers, and Dividend Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines. *The Journal of Developing Areas*, vol. 31, no 4, pp. 457–478.
- Wedeman A. (2002) Development and Corruption: the East Asian Paradox. *Political Business in East Asia* (ed. Gomez E.T.), New York: Routledge, pp. 34–62.